

"Яузский бульвар"

Ночь над Яузским бульваром

МАСТЕРСКАЯ

Евграф КОНЧИН

“Малоземельская тундра” побывала почти на всех крупных всесоюзных, республиканских и московских выставках, экспонировалась и за границей, в том числе в Италии, на Международной выставке молодых художников. Издается альбом этих листов. Они многократно репродуцируются в журналах, газетах, каталогах. Становятся популярными, почти хрестоматийными. Бородин принимают в Союз художников СССР. Словом, именно тундра сделала его “звездой” первой величины.

Затем появились и успешно показывались на многих крупных выставках серии линогравюр “У байкальских рыбаков”, снова “Наш Север”, “На подмосковных просторах”, “На тверской земле”, “Земля калужская”. Но постоянными темами произведений художника всегда оставалась и остается маленькая тверская деревушка Видюгощи, где у Анатолия Владимировича свой дом и где он живет летние месяцы, занимаясь рисованием и сельским хозяйством. И, конечно, Москва. Старая и новая. С первым снегом и с его мартовскими остатками, солнечная и бодрая, туманная и как будто бы заворожная, безлюдная и пустынная — и в людской суете.

Работы Бородина находятся в Государственной Третьяковской галерее, Русском музее, в Государственном музее изобразительных искусств имени А.С.Пушкина, в десятках других российских и зарубежных музеев, в частных коллекциях. Его творчество отмечено золотой медалью Академии художеств, премиями Московской организации Союза художников России.

Его работы узнаешь сразу на любой выставке и в любом, самом именитом соседстве. Правда, первоначальный его “суровый стиль”, присущий поколению шестидесятников, приобретает мягкость, поэтичность, даже лирическую интимность. Но всегда его листы лаконичны, немногословны, сочны и выразительны, композиционно крепко сбиты. Его резец энергичен, свободен и уверен. Его мастерство виртуозно.

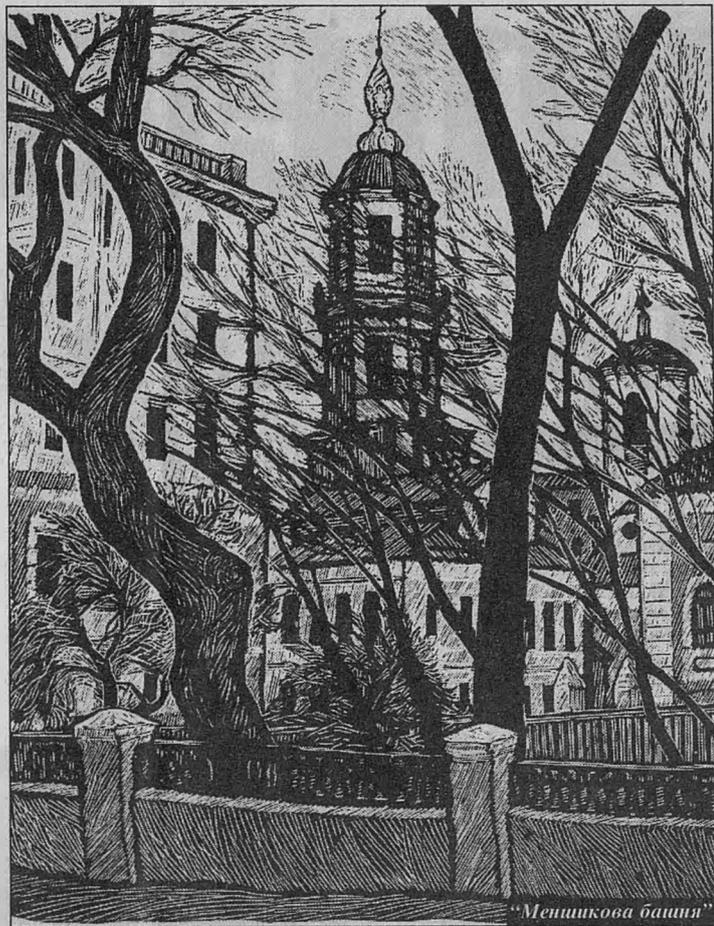
И вдруг в начале девяностых годов работы Бородина исчезли с выставок, его имя перестало упоминаться в числе активно дей-

Звезда Анатолия Бородина вспыхнула на отечественном художественном небосклоне неожиданно и ярко. После окончания Московского полиграфического института в 1959 году он отправляется на дальний Север, в Малоземельскую тундру. Жил в чумах оленеводов, делил с ними кров и еду, заботы и радости. В Москву привез множество рисунков, на основе которых создал большую серию станковых линогравюр “В Малоземельской тундре”. Когда она была показана на выставке, то ее успех превзошел все ожидания. Молодой двадцатилетний художник сразу выдвинулся в число ведущих советских графиков.

вующих художников. Что случилось с ним? Куда он подевался? От его коллег слышал, что Анатолий Владимирович, как всегда, рано утром приходит в мастерскую, как всегда, много работает. Но где же тогда его новые произведения?

И вот впервые попал в его мастерскую. На стене — рисунки, только что привезенные из деревни. А в больших пухлых папках — десятки и десятки новых гравюр: и деревенских, и калужских, а главное — московских. Рассматриваю лист за листом. Узнаю — и не узнаю знакомые достопамятные места столицы. Как правило, один и тот же вид, например, Яузский бульвар или Таганку, Бородин варьирует несколько раз, иногда возвращается к уже законченному произведению года через два-три, наполняя его но-

выми впечатлениями, размышлениями, даже новыми “красками”, хотя это понятие, наверное, не применимо к черно-белой гравюре. Но он умеет из черного и белого создать вполне “многокрасочную” работу, с тончайшими оттенками, светотеневыми переходами. И делает это со свойственной ему тщательностью. Поэтому описанные и изрисованные, казалось бы, многими художниками вдоль и поперек хорошо знакомые улочки и переулки, площади и бульвары, старинные особняки и храмы неожиданно приобретают в гравюрах Бородина забытую нами в повседневной суете праздничность и торжественность, милую уютность и мягкость, поэтичность и даже некую интригующую таинственность, драматичность или умиротворенность. Бородин открыл нам новую, “свою”

"Мещикова баши"

Москву.

В его гравюрах появилось и нечто новое, мне еще неизвестное, но, откровенно, весьма привлекательное — в них стало много воздуха, почти бездонного неба, почти бескрайних горизонтов, спокойной воды, в которой отражаются деревенские избы и храмы. Листы стали просторнее, что ли, свободнее, светлее, мягче, менее контрастные, менее резкие. А главное — более личностные, авторские. О своих впечатлениях говорю Анатолию Владимировичу. Он соглашается, но добавляет:

— Может быть, это потому, что сейчас я работаю только для себя, так, как я хочу, без всяких оглядок на какой-либо заказ или выставочные условия. Да и время меня уже не поджимает, торопиться некуда. Могу позволить себе многократно варьировать один и тот же сюжет, например, вот этот “Яузский бульвар”, переделявая его и дополняя новыми

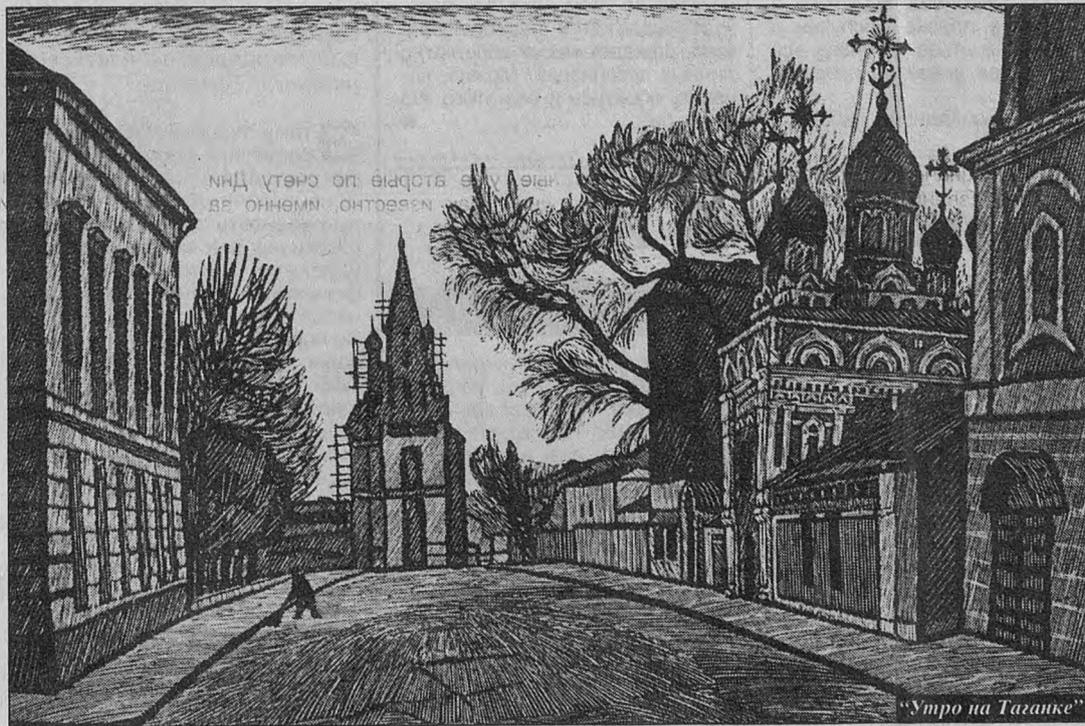
впечатлениями, новыми техническими приемами. Но эта творческая свобода не от хорошей жизни. Ведь теперь мое творчество, похоже, никому не нужно, оно никого не интересует. За последние несколько лет у меня не купили ни одной работы. Чем я живу? Сельским хозяйством в своей деревне, пенсией да небольшой педагогической зарплатой жены, кстати, тоже художницы.

Но как помочь Бородину, как, впрочем, и многим другим одаренным художникам, обрести своего зрителя, своего покупателя? Официальные заказы они уже не получают. Хотя, я уверен, такую государственную систему поддержки художников можно наладить. Кстати, с финансовой выгодой для обеих сторон. Министерство культуры, которое еще лет пять — семь назад буквально с ходу приобрело листы Бородина, ныне о нем забыло. Кое-что оно закупает, но в основном у художников ультрасовременных направлений. Музеи, весьма благосклонно относящиеся к творчеству Анатолия Владимировича, общицали и влачат жалкое существование.

Но существует, скажете вы, художественный рынок. Однако он настолько дикий, своенравный и непредсказуемый, что Бородин просто не вписался в него. Станковая графика вообще там не в моде. Да и сюжеты его листов не привлекают ни “новых русских”, ни иностранцев, являющихся основными покупателями.

Остаются выставки-продажи. Но их устройство требует больших денег, которых у художника нет.

Правда, есть и некоторые просветы. Так, недавно у Бородина взяли несколько гравюр на сборную выставку “Лучшие эстампы о Москве”, которая состоялась в зале на Тверской, и они получили одну из первых премий. Успешно прошла также совместная выставка работ Бородина и его жены Ирины Захаровой в Швейцарии. Но то, что показано в этих экспозициях, — самая малость из сделанного Анатолием Владимировичем.

"Утро на Таганке"